

Н. Н. Скворцова (Минск)

ИНТЕРВЬЮ С В. В. НАБОКОВЫМ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА

Мои ответы будут более спонтанными, если вы мне дадите время на их обдумывание.

В. Набоков

Интервью как метод получения информации и жанр журналистики принято рассматривать в контексте устного публичного диалога [1; 2; 3; 5 и др.]: общение в данном случае представляет собой разговор, в котором чередуются вопросы интервьюера и ответы интервьюируемого, впоследствии предполагается выход из печати текста имевшей место беседы. Не случайно в теории журналистики специально оговаривается бинарный характер интервью: с одной стороны, интервью – метод, с другой – жанр. Между тем рассмотрение интервью как жанра, претерпевшего за свою историю ряд изменений, связанных с характером функционирования, стилистикой и проч., и ставшего, в сущности, многофункциональным, весьма интересно в контексте влияния личности на канонический журналистский жанр, причем как личности интервьюера, так и личности интервьюируемого.

В связи с этим представляется вполне закономерным и по-своему показательным обращение к интервью с В. Набоковым – признанным стилистом, «гурманом от изящной словесности», утверждавшим примат языка и стиля в художественном творчестве, ярким индивидуалистом, который к тому же без смущения называл себя «чудовищно косноязычным» человеком, «скверным оратором» и «беспомощным собеседником» [4, с. 110–111, 279]. Известно его высказывание: «Никому не следует просить у меня согласия на интервью, если под "интервью" подразумевать беседу двух нормальных человеческих существ» [4, с. 34]. Обращает на себя внимание двоякий аспект интервью с писателем: с одной стороны, личность интервьюера и жанр интервью, с другой – личность интервьюируемого, В. Набокова, и данный жанр.

Следует сказать, что не все набоковские интервью отмечены теми или иными жанровыми изменениями. Ряд опубликованных интервью с писателем ни композиционно, ни содержательно не отступает от канонов жанра. В интервью сохраняются три части: заголовок, вступительная статья и основной текст интервью, состоящий из вопросов и

ответов⁵, беседа строится вокруг тем, представляющих интерес для интервьюера и читателей и создающих в итоге единый материал, цельное произведение. Между тем пять из проанализированных нами 37 опубликованных интервью (в числе которых как русскоязычные интервью, так и переводы с английского языка на русский [4]) являются образцами если не интервью-эссе, то интервью с характерными вкраплениями эссе, имеющие отличительные признаки данного жанра. Это так называемые «ранние» интервью с В. Набоковым: интервью Андрею Седых 1932 г., интервью Николаю Аллу 1940 г. и интервью конца 1950-х – начала 1960-х гг. (интервью Жану Дювиньо 1959 г., интервью Анн Герен 1961 г. и интервью Филлис Мерас 1962 г.). Тексты этих интервью, в особенности «русские» интервью 1932 г. и 1940 г., представляют собой описание внешности В. Набокова, особенностей его произношения, поведения и всего другого, увиденного глазами журналистов и переданного через призму субъективного восприятия (в некотором роде такие интервью переключаются с интервью-зарисовками, в которых реплики собеседника сопровождаются описанием его манеры поведения, мимики, стиля одежды и т. п.). Отношение к личности и творчеству В. Набокова тесно переплетено с прозрачным впечатлением журналистов от общения и встреч с писателем. Их (интервьюеров) рецепция вкупе с жизненным опытом, мировоззрением, ценностными ориентациями служит основой отношения к интервьюируемому и мерилем оценки. При этом слова В. Набокова или пересказываются, или привлекаются в качестве цитат, подтверждающих сказанное интервьюером. Предлагаемые ниже отрывки из упомянутых интервью иллюстрируют вышесказанное: «Сирин приехал в Париж устраивать свой вечер... <...> ... Публика увидит молодого человека спортивного типа, очень гибкого, нервного, порывистого. <...> Кембридж наложил спортивный отпечаток; Берлин – добротность и некоторую мешковатость костюма: в Париже редко кто носит такие макинтоши на пристегивающейся подкладке. У Сирина – продолговатое худое, породистое лицо, высокий лоб. Говорит быстро и с увлечением. <...> В 33 года укладывается Тенишевское училище, бегство из Крыма, счастливое время Кембриджа, книги и скучная бер-

⁵ В упрощенном смысле интервью представляет собой текст, состоящий из своего рода вопросно-ответных блоков, характеризующийся законченностью и объединенный общим замыслом.

линская жизнь, с которой нет сил расстаться только потому, что лень трогаться с места, – да и не все ли равно, где жить?» (из интервью 1932 г. А. Седых [4, с. 51]); «Владимира Владимировича поражает свойство нью-йоркского дневного света»; «Здесь Владимир Владимирович "очарован" главным образом "свободой в движениях", в разговорах»; за словами интервьюера «Владимир Владимирович в Нью-Йорке сразу почувствовал себя "своим"» следуют две относительно самостоятельные цитаты – слова В. Набокова, привлекаемые лишь в качестве иллюстрации тонкой иронии интервьюера (из интервью 1940 г. Н. Аллу [4, с. 59]); «Автор этих строк [Николай Алл] впервые увидел имя Сирина 18–19 лет назад под прекрасным стихотворением, напечатанным в одной русской газете в Харбине... <...> ... С тех пор утекло много воды, строчки стихотворения позабылись. Но живет еще то грустно-лирическое чувство, навеянное стихами...» [4, с. 55–56]; «А вот Набоков совсем даже не похож на свои фотографии, он более подвижный, более нервный и менее толстый. За стеклами очков в глазах веселый интерес, почти никакой мечтательности, взгляд внимателен, но не назойлив» (из интервью 1959 г. Ж. Дювиньо [4, с. 89]); «В первую голову он, этот Набоков, лингвист и чувственник. Необыкновенно зорким глазом заметив цвет (желтый) моего блокнота, он предположил, что тот принимал солнечную ванну» (из интервью 1961 г. А. Герен [4, с. 99]).

В этих интервью на первый план выходит личность интервьюирующего, в фокусе внимания – его мысли, чувства, отношение, передача впечатлений и т. д. Интервьюер отчасти выступает в качестве эссеиста, в тексте которого не может не быть выраженной авторской позиции и свободы от некоторых жанровых условностей. Вместе с тем такая «свобода» не только не приветствовалась В. Набоковым (несмотря на то что он был отнюдь не идеальным собеседником), но категорически осуждалась. «Литературная личность» В. Набокова едва проскальзывала сквозь завесу абзацев, а вольные пересказы слов (ответов) В. Набокова, предлагаемые интервьюерами, нередко воспринимались писателем как инсинуации.

Впоследствии В. Набоков избрал совершенно иной способ «ведения беседы»: вопросы интервьюеров должны были высылаться ему (в письменном виде), он давал на них письменные ответы, которые, что было принципиальным, должны были воспроизводиться дословно,

между тем как один из жанрообразующих признаков интервью – функциональная заданность: это должна быть беседа. Характерно, что В. Набоков мог вовсе пропускать те или иные вопросы и даже, к еще большему неудовольствию журналистов, перефразировать задаваемые/заданные вопросы (а то и заменять их другими) и, ничуть не смущаясь, редактировать их в соответствии с собственными представлениями. Тексты таких интервью представляют собой комбинации фрагментов на ту или иную тему, снабженных подзаголовками, логически завершенных и стилистически отшлифованных автором. Такие тексты полностью опровергают приписываемый им жанр: интервью по природе своей отличается динамичностью, относительно быстрым переходом от одной мысли к другой, описанием различных быстро сменяющихся действий и состояний, наконец, «интервью пишется во время интервью» (если воспользоваться известной формулой).

Установка на изощренную художественность, искусственность формы, с одной стороны, и обостренное внимание писателя к слову, его семантическому и экспрессивно-стилистическому потенциалу, к синтаксическому рисунку и ритму фразы, с другой, диктовали строгий отбор языковых средств даже для маргинального с точки зрения высокой литературы жанра – интервью. Однако своеволие Набокова-«эссеиста» не могло не обуздываться законами жанра, в силу чего многим интервью В. Набоков в порядке компромисса придавал окраску спонтанности и живой реакции на высказывания интервьюера. Языковыми средствами стилизации монологического высказывания под диалог послужили вводные слова и словосочетания, междометия, частицы и так называемые «слова-паразиты», слова-предложения «да», «нет», нередко сопровождаемые частицами. В синтаксическом плане предложения сложной структуры, создающие характерный («искусственный», нередко вычурный) грамматический рисунок набокских текстов (как русско-, так и англоязычных), уравнивались лаконичными и емкими фразами, с одной стороны, и восклицаниями, переспросами, повторами последних слов (реплик) журналистов, отрывочными, незаконченными в смысловом отношении выражениями, с другой. (Ярким примером является интервью Олвину Тоффлеру 1963 г.) Все это было продиктовано стремлением В. Набокова придать своим «сделанным» ответам иллюзию непринужденной разговорности, без чего едва ли можно представить себе традиционный жанр интервью.

Если в ранних интервью с В. Набоковым Набокова «почти нет», то в более поздних текстах опубликованных интервью, напротив, минимизированы вопросы и различные реплики интервьюеров, набоковские же ответы превращены в миниатюрные эссе (часто с подзаголовками). К примеру, публикация телеинтервью, которое снималось в октябре 1971 г., содержит 11 автосемантических фрагментов, имеющих следующие подзаголовки (последовательность сохранена): «О времени и его ткани», «Личное прошлое», «Унаследованное прошлое», «Генеалогическое древо», «Берлин», «Америка», «Чешуекрылые», «Семья», «Слава», «Швейцария» и «Все – суэта» (интервью Курту Хоффману [4, с. 325–333]). Диалогический в своей основе жанр, который не имеет, как известно, стандартного заключения (именно поэтому завершающий вопрос должен провоцировать к обобщению сказанного [6, с. 209]), В. Набоков ничтоже сумняшеся превратил в собственный монолог, завершив его высказыванием о себе: «По правде говоря, я верю, что в один прекрасный день явится переоценщик, который объявит, что я совсем не легкомысленная жарптица, но убежденный моралист, избочающий грех, бичующий глупость, высмеивающий пошлость и жестокость, утверждающий главенство нежности, таланта и чувства гордости» (перевод О. Кириченко) [4, с. 333].

Многие набоковские интервью, по мнению Н. Г. Мельникова, «производят впечатление самостоятельных художественных произведений» (например, рассказ о фокуснике Мерлине, включенный в беседу Бернардом Пиво, есть не что иное, как «компактная новелла»), иные из них представляют собой «лирические миниатюры в прозе», а также «трактаты по философским и эстетическим проблемам» и даже «микрорамфлеты» [4, с. 35].

Литературная личность В. Набокова предстает в интервью столь же многогранной и противоречивой, сколь неповторима она в художественной прозе.

Таким образом, отношения «интервьюирующий – интервьюируемый – текст» в контексте интервью с В. Набоковым имеют свои особенности: в интервью 1930-х – начала 1960-х позиция писателя пунктирна, доминирование личности интервьюера приводит не столько к модификации жанра, реализации его разновидностей, сколько к появлению гибридного жанра (интервью-эссе); в поздних интервью, напротив, личность интервьюирующего все чаще остается «на заднем

плане» или вовсе «за кадром», безапелляционно игнорируется, изменения же в интервью как жанре в отдельных случаях относятся к области полного преобразования (метаморфозы).

1. Голанова, Е. И. Устный публичный диалог: жанр интервью / Е. И. Голанова // Русский язык конца XX столетия (1985–1995): [Моногр.] / В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова и др.; Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 427–453.

2. Ильченко, С. Н. Интервью в журналистском творчестве: учеб. пособие / С. Н. Ильченко. – СПб.: СПбГУ, 2003.

3. Красноперова, Ю. В. Дискурсивные стратегии участников интервью: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2005. – 236 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/223411.html>. – Дата доступа: 24.09.2014.

4. Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе / сост. Н. Г. Мельников. – М.: Независимая газета, 2002.

5. Шостак, М. Интервью: Метод и жанр / М. Шостак // Журналист. – 1997. – № 11.

6. Stilistik für Journalisten / J. Kurz, D. Müller, J. Pötschke, H. Pöttker, M. Gehr. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2010.